

В. Г. Белинский

**Общий взгляд на народную
поэзию и ее значение.**

Русская народная поэзия

Виссарион Григорьевич Белинский

Общий взгляд на народную поэзию и ее значение. Русская народная поэзия

«...Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна, то есть когда она отражает в себе личность своего народа. Жизнь всего живущего составляет *идея*: в чем нет идеи, то не живет. Но сущность идеи, вне ее чувственного проявления, заключается в отвлеченной, безразличной всеобщности. И потому идея только тогда есть нечто живое и действительное, когда она переходит в явление, а ее всеобщность является особенностью, индивидуальностью и личностью...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Общий взгляд на народную
поэзию и ее значение.**

Русская народная поэзия

Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, как *украшенное подражание природе* было основным и главным положением поэтического кодекса прошлого века. Высочайшая похвала, какой только может удостоиться поэт нашего времени, самый громкий титул, каким только могут теперь почтить его современники или потомки, заключается в волшебном эпитете «народного». Выражения: *народная поэма, народное произведение*, часто употребляются теперь вместо слов – *превосходное, великое, вековое произведение*. Волшебное слово, таинственный символ, священный гиероглиф какой-то глубоко знаменательной, неизмеримо обширной идеи – *народность* как будто заменила теперь собою и творчество, и вдохновение, и художественность, и классицизм, и романтизм, заключила в одном себе и эстетику и критику; сделалась теперь высшим критериумом, пробным камнем достоинства всякого поэтического произведения и прочности всякой поэтической славы. Все требуют от поэзии прежде всего народности, а потом уже здравого смысла; но многие ли отдадут себе отчет в

том, что такое эта народность, хотя это слово и кажется всем столь простым и понятным? Но не все то бывает в самом деле тем, чем оно кажется. По крайней мере слово *народность* так же точно требует своего определения, как и всякое другое слово, которое заключает в себе какую-нибудь мысль. Слово же *народность* именно есть одно из тех слов, которые потому только и кажутся слишком понятными, что лишены определенного и точного значения. По крайней мере в нашей литературе не заметно особенной определенности в понятии о народности в поэзии.

Всякая поэзия только тогда истинна, когда она народна, то есть когда она отражает в себе личность своего народа. Жизнь всего живущего составляет *идея*: в чем нет идеи, то не живет. Но сущность идеи, вне ее чувственного проявления, заключается в отвлеченной, безразличной всеобщности. И потому идея только тогда есть нечто живое и действительное, когда она переходит в явление, а ее всеобщность является особностью, индивидуальностью и личностью. Так природа есть идея, до сознания которой человек дошел через со-

зерцание бесконечно разнообразных явлений видимого мира. В слове *природа* человеческий разум выразил свое понятие о единстве бесконечно разнообразных явлений чувственной жизни. Человечество есть тоже идея, как выражение понятия о физическом и нравственном единстве бесчисленного множества отдельных существ, называемых людьми. В своем первоначальном значении *природа* есть самодеятельная творящая сила, неисчерпаемая и неистощаемая жизненная субстанция, которая, из безразличного субстанциального пребывания в самой себе, беспрестанно определяется в живые отдельные явления, – другими словами: беспрестанно обособляется, индивидуализируется и персонифицируется. В царстве ископаемом и растительном она обособляется, то есть раскидывается на бесконечное множество *особных* явлений, из которых каждое имеет свою особенную форму. В царстве животном особность является еще и индивидуальностью (неделимостью). Камень есть предмет особый, но не индивидуальный: расколите его на тысячи кусков, превратите в пыль, – этим вы не ли-

шите его жизни, а только из одного камня сделаете множество камней бесконечно меньшего объема. Дерево живет высшею жизнью в сравнении с камнем; но и оно представляет собою только высшее явление *особности*, но еще не представляет собою *индивидуальности*: нельзя ничем доказать, чтобы ему нужно было именно столько ветвей и листьев, сколько их есть на нем, и, обрубивши часть его ветвей или сорвавши часть его листьев, вы не лишите его этим ни его жизни, ни его особенности. Дерево есть *организм*, но стоящий на низшей степени: оно увеличивается, как и животное, через ращение изнутри, но это ращение носит на себе характер случайности и внешности: ветвь удлиняется коленами, число которых случайно: сломивши одно, вы этим ничего не лишаете дерева. Основание животного царства, кроме особенности, заключается еще и в индивидуальности: у животного определенное число органов и членов. Отрезавши у собаки ногу, можно ее залечить и не допустить умереть, но тогда она изуродована, потому что у нее отнят член, необходимый для полноты ее существо-

вания. В человеке, как высшем существе животного царства, повторяется и особность и индивидуальность и сверх того является *личность*, как *чувственная форма разумного сознания*. Человек потому есть личность, что он сознает свое я, то есть может самого себя рассматривать и исследовать как будто бы чуждое ему и вне его пребывающее существо. Царство природы разделяется на роды и виды; каждое явление природы отличается признаками и качествами, не ему самому, а его роду и виду свойственными: и потому каждый дуб совершенно похож на всякий другой дуб, за исключением чисто случайных различий, величины: каждый бык совершенно похож на всякого другого быка и отличается от него не выражением своей морды, или своего рыла, а величиною, цветом шерсти и другими чисто случайными, но не существенными признаками. Человек от человека существенно отличается лицом, физиономиею, — и как ни много людей на земном шаре, никогда одно и то же лицо не повторяется в двух человеках. Это различие лиц имеет глубокое значение: лицо выражает собою личность, а лич-

ность есть выражение духовной сущности человека. Если каждый человек разнится от другого лицом: значит, каждый человек разнится от другого и своею духовною личностью; значит: каждый человек есть особенный, в самом себе замкнутый мир. Отсюда различие темпераментов, характеров, способностей и склонностей; отсюда же и свойство каждому человеку видеть и понимать предметы с своей особенной, ему только свойственной точки зрения. Все, что есть в каждом человеке, все, чем владеет каждая личность, все это принадлежит человечеству; но ни один человек в одном себе не может вместить всего человеческого, а получает на свою долю нечто от общечеловеческого, но как собственность своей природы. Как в фортепьяно каждая клавиша имеет свой особенный тон, но все клавиши, каждая издавая свой звук, образуют гармонию, – так и различие отдельных личностей образует жизнь племен и народов, а жизнь отдельных племен и народов образует жизнь человечества. Будь все люди совершенно одинаковы в своих нравственных средствах и их направле-

нии, каждый человек перестал бы чувствовать нужду в другом и не было бы между людьми уз братства. Каждая личность есть определение общего, и в этом ее сила и ее слабость: сила потому, что идея без явления, общее без обособления, индивидуальности и личности суть призраки; слабость потому, что всякое определение есть ограничение, исключение из всего в одном. Философ – тем более философ, чем менее он поэт, и по тому-то самому его больше всего интересует поэтическая личность. Во всем и везде личность одного пополняет собою личность другого и, в свою очередь, пополняется личностью другого.

Человек был последним и высшим усилием природы в ее стремлении к самосознанию. Организм человека явился личностью – орудием разумного сознания, потому что личность имеет я, которое она может противопоставить всему внешнему ей миру, всему, что в отношении к ней, составляет не-я. Создавши человека, природа довершила дело своего творчества и перестала быть творящею; приготовивши в человеке личность в возможно-

сти, природа предоставила дальнейшее развитие этой личности уже другой, более высшей, более духовной сфере жизни: отселе человек должен был развиваться через сообщество с подобными себе. И потому испытующий ум везде находит людей как общество, как племя, как народ: человек не помнит своего разъединенного, дообщественного состояния, как не помнит своего зарождения и формирования во чреве своей матери и как не помнит своего первого возраста. Племя, или народ, есть тоже личность, только идеальная, сознаваемая умом реальных личностей, то есть отдельных людей. Как различие реальных личностей необходимо для того, чтобы они могли сложиться в общество (в племя, в народ), так необходимы племенные и народные особенности и различия, чтобы племена и народы могли образовать собою другую высшую идеальную личность – человечество. Только различные струны могут производить аккорд, одинаковые же звучат бессмысленно и дисгармонически. Как каждый человек выражает собою преимущественно одну какую-нибудь сторону общечеловеческой нату-

ры и по тому самому нуждается в других людях; так и каждый народ выражает собою преимущественно одну какую-нибудь сторону всецелого и единого духа человеческого и потому нуждается в соприкосновении с другими народами, принимает от них в себя то, чего ему недостает, и дает им от себя то, чего им недостает. Каждый народ отличается от всякого другого типом лица, — и потому, за немногими исключениями, не трудно узнать в человеке по его лицу немца, англичанина, француза, италиянца, русского. Кроме того, у людей одной нации есть какое-то семейное сходство и в манерах, и в способе смотреть на вещи, и в образе действия, не говоря уже об особенности языка — этого живого, чувственного проявления народной логики. Между людьми есть личности характерные, самостоятельные, которые на все, что ни говорят и ни делают они, кладут яркую печать свойственной им особенности; и есть между людьми личности бесхарактерные, бесцветные, которые не могут сопротивляться никаким внешним влияниям и, не имея в себе ничего особого и резкого, вечно играют при

других роль нулей. Такая же разница и между народами. Есть народы, которые существуют только внешним образом благодаря благоприятному для них стечению внешних обстоятельств, которые, исчезая с лица земли, не оставляют по себе никаких памятников своего существования. Обыкновенно они бывают добычею более их сильных народов и, смешавшись с своими завоевателями, теряют свой язык, веру и обычаи, производя никакой перемены в народе, который поглотил их. Таких народов было множество, и история только упоминает вскользь их имена, для внешней связи событий. Некоторые из этих народов играли даже значительную, хотя и чисто внешнюю роль в истории: движимые или слиянием каких-нибудь внешних обстоятельств, или каким-нибудь сильным человеком, или оживляемые мгновенным фанатизмом, они грозили гибелью цивилизации, рабством всему миру, — и... скоро исчезли, как призраки, не оставив никаких следов своего существования. Таковы были гунны, монголы, явившиеся миру как страшный метеор и, подобно метеору, скоро исчезнувшие; дольше

их существовали турки, благодаря силе своего религиозного фанатизма и разъединенности европейских государств, – а теперь мы видим только живой труп этого некогда страшного народа. Есть народы, которым жизнь и развитие даны были только на определенный срок и до известной степени и которые, свершив свое назначение, остались как бы окаменелыми памятниками прошедшего, живя в старых, потерявших смысл формах, без движения, без прогресса. Таковы индийцы, китайцы, японцы – эти, может быть, старейшие народы в человечестве.[1] Одним народам суждена первостепенная роль в человечестве – и это всемирно-исторические народы; другим суждена просто историческая роль; третьим – и это народы ничтожные и случайные, не суждено никакой роли в истории, кроме разве скоропреходящих и оставшихся без следствий переворотов. Только такой народ может назваться историческим, который при жизни своей имел большее или меньшее влияние на судьбы человечества и оставил по себе неизгладимые следы своего существования. Замечено, что замечательнейшие в исто-

рии народы большею частью составлялись из разных племен: так Греция образовалась, по преданиям, кроме основного пелазгийского племени, из переселенцев финикийских, египетских и других. Но всегда в основе таким образом сформировавшихся народов краеугольный камень составляет одно какое-нибудь племя. Как бывают бесплодные браки, так бывают и бесплодные соединения племен. Галлия, Испания и Британия, завоеванные римлянами, не организовались в крепкие и самостоятельные народы; но покоренные тевтонскими племенами, смешавшиеся с ними, они получили глубокое начало политической жизни, продолжающейся и теперь. Покоренная готами Италия не выродилась: пришли лонгобарды – и от готского владычества не осталось никаких следов, а смешавшись с лонгобардами, остатки древних римлян переродились в совершенно новый народ, и теперь существующий отдельными государствами, известными под общим именем италийских. В Англии туземное племя бритов исчезло в саксонском и норманском элементе; во Франции гальское начало навсе-

гда осталось преобладающим над франкским: французы в общих чертах и теперь еще так похожи своим национальным характером на древних галлов, описанных Юлием Цезарем. Из этого видно, что непосредственный источник сильной, резко проявляющейся национальности заключается в самой крови племени и что есть племена характерные и племена бесхарактерные, как есть характерные и бесхарактерные люди. Теперь, если человек, личность которого...[2]

Примечания

В рукописи зачеркнуто: «Есть народы, которым сужд<...>, но есть народы, которые столь субстанциональны, столь самобытны, столь богатые, что даже подход... которые так богаты избытком самостоятельного, субстанционального... Но есть народы, столь, до того наполненные внутренней субстанц... которые носят в себе зародыш такой глубокой самостоятельной жизненности, даже не подпадая под власть другого народа, они изменяют характер своих завоевателей. Мы уже говорили в предшествующей главе, что есть народы, которым суждена первая роль в человечестве».

[^^^]

На этом слове обрывается рукопись. – *Ред.*

[^^^]